

А.А.Турыгин

Венесуэла в фокусе пангерманизма

**К вопросу о понимании венесуэльского кризиса
(1902—1903 гг.) в немецком обществе**

В статье речь идет о формировании немецкой колониальной идеологии в Южной Америке. Рассматриваются «открытие» Венесуэлы немецким обществом в конце XIX — начале XX в., а также противоречивая политика утверждения Германской империи по ту сторону Атлантики. Участие Германии в венесуэльском кризисе (1902—1903 гг.) демонстрирует раскол между правительством и националистически настроенной частью общества, манипуляция сознанием которого становится средством неполитического воздействия для Пангерманского союза. Венесуэльский кризис как один из локальных дипломатических кризисов, возникших накануне Первой мировой войны, свидетельствует о заинтересованности правительства Германии в получении нового статуса «мировой державы», хотя за формирование имперской идентичности берутся немецкие националисты. Поскольку между официальным Берлином и общественностью нет единства в понимании сущности колониализма, возникает парадокс, который стал предметом научного изучения сравнительно недавно. На примере Венесуэльского кризиса анализируется один из классических тезисов теории империализма, гласящий, что за экономической экспансией следуют территориальные претензии.

Ключевые слова: Венесуэла, Пангерманский союз, венесуэльский кризис, колониализм, военно-морская блокада.

DOI: 10.31857/S0044748X0014113-3

Статья поступила в редакцию 09.01.2021.

В декабре 1902 г. под влиянием венесуэльского кризиса главный редактор *Alldeutsche Blätter* Пауль Самасса (1868—1941 гг.) опубликовал на страницах подведомственного ему издания статью «О действиях Германской империи против Венесуэлы» [1, ss. 150-152]. Статья отражала общее пангерманское видение ситуации, вызванной совместной морской блока-

Александр Александрович Турыгин — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет» (РФ, 156005 ЦФО, Костромская область, г. Кострома, ул. Дзержинского, д. 17, <https://orcid.org/0000-0003-0758-6422>, aturigin@mail.ru).

дой южноамериканского государства Великобританией, Италией и Германией. Кризис, реакцией на который стала статья П. Самассы, был связан с отказом президента Венесуэлы Сиприано Кастро (1899—1908 гг.) компенсировать европейцам убытки, понесенные ими в недавней гражданской войне, разразившейся в Венесуэле. В чем заключались интересы Германии, которые, по мнению Самассы, южноамериканское «разбойничье» государство нарушало без «всякого стеснения»? [1, s. 151] Как пангерманцы предлагали «привести в чувство» [1, s. 151] президента С. Кастро и что означало «довести до конца» [1, s. 152] интересы рейха в Венесуэле — вопросы, ответы на которые позволяют оценить латиноамериканский вектор немецкой политики и представления о месте Германии в мире тех, кто в определенной степени формировал общественное мнение в стране накануне Первой мировой войны.

Пангерманский союз (*Alldeutscher Verband*), возникший в результате широкомасштабного колониального движения 80-х годов XIX в., в качестве одной из важнейших задач провозгласил «защиту немецких интересов по всему миру», а также «достижение практических целей немецкого колониализма» [2, s. 242]. Не являясь политической партией, *Alldeutscher Verband* быстро стал массовой организацией, численность которой к 1900 г. достигла 21 тыс. человек [3, s. 173]. Пестрый состав участников отражал общие намерения той заинтересованной части немецкого общества, которая требовала от правительства рейха проведения политики активного колониализма, способного обеспечить Германии «место под солнцем» [4, s. 7]. В то же время в руководящий состав организации вошли представители крупного бизнеса и банкиры, рассматривавшие *Alldeutscher Verband* как средство неполитического давления на правительство, необходимое для обеспечения собственных экономических интересов (*Bayer, Hoechst, Ludwigshafen, Friedrich Krupp AG, Norddeutsche Bank*) [5, s. 25]. За счет крупных субсидий и членских взносов *Alldeutscher Verband* очень быстро стал оказывать большое влияние на систему массовых коммуникаций. Имея широкую сеть филиалов в стране и за ее пределами, а также используя авторитетные медиаресурсы, в частности, газеты и издания, выходявшие массовым тиражом (*Rheinisch-Westfälischen Zeitung, Alldeutsche Blätter*, мюнхенское издательство *J.F. Lehmanns Verlag*), пангерманцы довольно смело критиковали не только правительство, но и самого кайзера. Предметом критики часто становились всевозможные дипломатические акции, предпринимаемые, скорее, в политических интересах рейха, чем в экономических. Сам *Alldeutscher Verband* возник на волне общественной критики англо-германского соглашения «Гельголанд-Занзибар» в 1890 г. [6, s. 194].

Для понимания сути критики пангерманцами правительства рейха важно определить мотивы и интересы германской политики в Южной Америке, которые, если принять во внимание публичное заявление министра внутренних дел Фридриха Эйленбурга, не являлись первостепенными и далеко идущими. Выступая перед сенаторами Гамбурга в 1875 г., Ф. Эйленбург предостерег от эмиграции в Венесуэлу, где особенности социальных, политических и климатических условий минимизируют любой шанс на успех. Как министр он заявил, что Пруссия уже запретила все пуб-

ликации, рекламирующие эмиграцию в Венесуэлу. Тому же совету он предложил последовать официальным властям Гамбурга [7, p. 187].

Отношения между Венесуэлой и Германией имели давнюю традицию, восходящую к встрече двух знаковых фигур Симона Боливара (1783—1830 гг.) и Александра фон Гумбольдта (1769—1859 гг.) в начале XIX в. [8, 9] После объединения Германии в Венесуэле было открыто официальное консульство рейха (1871 г.). С этого времени начинаются дипломатические отношения, развитие которых рассматривалось Берлином, как минимум, двояко: с одной стороны, существовала точка зрения канцлера Отто фон Бисмарка (1871—1890 гг.), который считал нужным воздерживаться от политики активного колониализма [10, с. 533] и выступал против распространения германского влияния по другую сторону Атлантики [11, s. 790]. Другой взгляд на германо-венесуэльские отношения был у кайзера Вильгельма II (1888—1918 гг.), вынашивавшего планы об экспансии рейха в Южной Америке [12, s. 86]. Кайзер намеревался использовать венесуэльский конфликт для проверки мощности собственных кораблей, в строительство которых было вложено немало средств. В соответствии с первыми двумя флотскими законами от 1898 и 1900 гг. численность германского флота увеличивалась в два раза — до 38 линкоров в составе четырех боевых эскадрилий. После отставки «железного канцлера» возобладала точка зрения кайзера, а сам О.фон Бисмарк уже к концу своего правления частично отказался от прежних осторожных взглядов в отношении американского экспансионизма, назвав доктрину Монро «наглой догмой» и «самонадеянной идеей» [13, s. 595].

Взгляды О.фон Бисмарка могли измениться под влиянием как растущей эмиграции немцев в Южную Америку (к 1890 г. эмиграция на континент составляла до 30% от общей эмиграции рейха [14, s. 262]), так и увеличивавшегося товарооборота со странами континента (в начале XX в. доходы от торговли с южноамериканскими государствами выросли: 656,2 млн марок — с Аргентиной, 430,5 млн марок — с Бразилией, 256,7 млн марок — с Чили, 70 млн марок — с Уругваем и т.д.) [7, p. 20]. Венесуэла занимала десятое место в рейтинге доходов от товарооборота. Хотя торговля кофе — основной продукт экспорта — приносила большой доход ганзейским городам, экономические отношения отягощало отсутствие официального договора между странами, подобно договорам, заключенным с Аргентиной (1857 г.), Парагваем (1859 г.), Чили (1862 г.), Бразилией (1882 г.). Подписание существовавшего с 1858 г. проекта такого договора постоянно откладывалось из-за настойчивого требования Венесуэлы включить в него пункт о том, что в случае убытков торговых компаний, вызванных последствиями бунтов и волнений, иностранные предприниматели должны были подавать иски в суды Венесуэлы, которые рассматривались бы в соответствии с нормами венесуэльского права. До заключения официального договора (1909 г.) каждая из стран обязывалась уважать взаимные торговые интересы.

Отсутствие договора не мешало эмиграции немцев в Венесуэлу, приобретению собственности и коммерческим инициативам, предпринимаемым, однако, на страх и риск самих немцев. По донесениям, подготовленным по запросу государственного секретаря военно-морского ведомства Альфреда Тирпица в 1897 г., немецкий оборотный капитал в Венесуэле составлял от

50 до 60 млн марок, земельные владения, находящиеся в собственности у немцев, оценивались от 10 до 12 млн марок [7, p. 28]. Немцы продолжали активно осваивать Венесуэлу, расширив свой бизнес в андских штатах страны до границ с Колумбией, отправляя в эти регионы нанятых служащих для изучения местных торговых практик; Сиприано Кастро был одним из таких наемников, находясь на службе в одной из крупнейших кофейных компаний в Маракайбо *Breuer, Moller & Co*, созданной двумя немецкими консулами в Венесуэле — Генрихом Бройером и Эмилем Минлосом [15, p. 4].

Центром немецкой культуры и хозяйства в Венесуэле стало небольшое поселение, основанное на севере страны еще в 1843 г. неподалеку от города Маракай — «Колония Товар». Условия для переезда были наилучшими ввиду действия закона об эмиграции и учреждения правительством Венесуэлы специального фонда, поощрявшего приток в страну специалистов из Европы. Немецкие колонисты, с одной стороны, имели хорошую репутацию, которую они приобрели в Бразилии, и, с другой, — Германия середины XIX в. не вела активной колониальной политики, что позволяло не опасаться ее вмешательства во внутренние дела Венесуэлы. По разным сведениям, в первой четверти XX в. на территории этой страны проживали чуть менее 1000 немцев [16, s. 768]. Такие немцы, живущие за границей, к концу XIX в. стали предметом политических споров всевозможных ассоциаций и союзов с правительством рейха, от которого требовали активного колониализма. Немецкие поселенцы превозносились как «миссионеры, обеспечивающие коммерческую ориентацию в сторону рейха», как «проводники» немецкой культуры и образования, а также «пионеры Великой Германии» [17, s. 13]. Подобная риторика превращала эмигрантов в инструмент политической борьбы в самой Германии («защита немецких интересов за океаном») [2, s. 21].

Амбиции немецких экспансионистов усиливались расистскими доводами Вильгельма Сиверса — профессора из университета Гисена. Побывав в Венесуэле, он заметил, что страна находится в состоянии упадка, несмотря на ее «дремлющее богатство». Первопричину он увидел «в преобладании романского элемента в этой части мира» и бездействии «бессмысленного смешения рас». В.Сиверс провел параллель между упадком «романского элемента» в Европе и Венесуэле, заключив, что будущее развитие этой южноамериканской страны могло быть связано с новым для нее «германским элементом». Южная Америка, как он утверждал, «является единственной частью мира, будущее которой еще не решено». Три мировые империи (Великобритания, Россия и Соединенные Штаты), будут соперничать за господство на этом континенте. Но поскольку Соединенные Штаты исторически стали «естественным врагом» Южной Америки (доктрина Монро), а Россия, скорее всего, будет стремиться «развязать руки» в Азии, В.Сиверс предсказал, что борьбу за контроль над бывшими владениями Испании в Новом Свете будут вести Германия и Великобритания [7, p. 48].

Интерес Германии к южноамериканским странам, в том числе к Венесуэле, был связан с промышленным подъемом 90-х годов XIX в. [18, ss. 610-612], которому во многом способствовали присоединение к Германии Эльзаса и Лотарингии с богатейшими запасами железной руды, промышленное освоение Рейнско-Вестфальского региона и французская пя-

тимиллиардная контрибуция, выплаченная рейху по итогам франко-пруссской войны. Предложение внутреннему рынку очень скоро превысило спрос, приведя к экономической депрессии, что заставило предпринимателей искать новые возможности сбыта за пределами рейха [18, ss. 570-575]. Немецкие инвестиции нашли применение в строительстве Великой венесуэльской железной дороги (1888—1894 гг.) — проект, полностью финансируемый немецким капиталом банков *Disconto-Gesellschaft* (Берлин) и *Norddeutsche Bank* (Гамбург), в отличие от Берлино-Багдадской железной дороги, построенной с участием французского капитала. Контракт с правительством Венесуэлы заключил концерн *Friedrich Krupp AG* (12800 фунтов стерлингов за каждый километр 179-километровой железной дороги от Каракаса до Валенсии [19]). Отношения с концерном *Krupp* у венесуэльского правительства развивались не только в сфере торговли и промышленности. О том, что официальные власти страны предпочитали новые виды оружия, производимые Крупном, нежели то, что предлагала венесуэльскому рынку Великобритания, — ветхие, частично вышедшие из строя морские суда — упоминает исследователь Алексис Паленсия Эрнандес. Рассматривая модернизацию армии и военные реформы эпохи Кастро, он отмечает факт приобретения Венесуэлой новейших артиллерийских орудий и трех пароходов, контракты о поставках которых были заключены в Берлине в 1894—1896 гг. [20, p. 480].

Принимая во внимание экономическую значимость для рейха южноамериканских рынков, «дремлющее богатство» Венесуэлы, доходы от экспорта, поиск компромисса при заключении торгового договора, который был подписан в 1909 г., долгосрочные вложения, например, в строительство железной дороги и присутствие в стране немецких поселенцев, определенный скепсис вызывает один из центральных тезисов авторов классических трудов по империализму о том, что вслед за экономической экспансией следовали территориальные претензии [21, с. 17]. Мнение о том, что за торговлей стояли намерения европейских держав закрепиться в Карибском бассейне, в непосредственной близости от Панамского канала, характерно и для венесуэльской историографии [22, p. 25]. Мануэль Родригес Кампос прямо указывает на то, что агрессия 1902 г. против Венесуэлы была следствием развития мировой империалистической политики и межимпериалистической борьбы, возникшей в результате разграничения сфер влияния и захвата рынка [23, p. 267].

Были ли у Германии экспансионистские планы в отношении Венесуэлы, такие же, как в Восточной Африке или Китае? В исследовании Нэнси Митчелл из университета Северной Каролины ставятся под сомнение более ранние интерпретации. В частности, Н.Митчелл оспаривает точку зрения, выраженную А.Фагтом, Р.Фибиг фон Хазе, Ф.Катцем, что политика Германии в Южной Америке преследовала экспансионистские цели [24, 25, 26]. Она утверждает, что германская угроза была всего лишь призраком, созданным массовыми изданиями, чтобы инициировать (в Германии) и легитимировать (в США) экспансионизм. С точки зрения Митчелл, Германия на самом деле не представляла угрозы для Латинской Америки, поскольку у рейха просто не было средств для осуществления экспансионистского проекта в этой части мира, а эмоциональный кайзер под влиянием пангер-

манской пропаганды неверно оценил реальную политику [27, р. 220]. Немецкая пресса также переоценила увеличение американского военно-морского флота и рост влияния США после войны с Испанией в 1898 г., раздувая страхи о том, что Штаты не удовлетворятся только экономической экспансией.

Отсутствие у рейха необходимых средств, удерживающее его от прямых территориальных претензий к Венесуэле, кажется вполне убедительным также с точки зрения крайней политической нестабильности региона, что могло дополнительно финансово обременить Германию. За время правления Антонио Гусмана Бланко (1870—1877 гг., 1879—1884 гг., 1886—1887 гг.) и Сиприано Кастро Венесуэла — в период с 1859 по 1901 г. — 22 раза подвергалась вторжению со стороны Колумбии. Эти войны опустошили казну, а частота их повторений лишала инвесторов возможности воспользоваться «дремлющим богатством» страны. Однако попытки проникновения на венесуэльский рынок со стороны европейских держав не прекращались; инвесторы выигрывали концессии на добычу полезных ископаемых, заключали контракты на строительство железных дорог и телеграфных сетей [28].

Так или иначе, но политическое решение вопроса об отношениях Германии и Венесуэлы, по крайней мере, для рейха, оказалось крайне противоречивым: государственный интерес к стабильным экономическим отношениям с Венесуэлой расходился с риторикой немецких колониальных обществ, требовавших активного колониализма, определенной уступкой которым стало участие Германии в международной блокаде 1902—1903 гг.

В самом начале XX в. один из лидеров *Alldeutscher Verband*, объединившего немецкие общества активной колонизации, Генрих Класс мечтал о Южной Америке как о будущей «Новой Германии», которая должна была стать «дочерней территорией» рейха [29, ss. 7-8]. Пангерманский редактор влиятельной *Rheinisch-Westfälische Zeitung* Вильгельм Винтцер настойчиво требовал «постоянной оккупации венесуэльской гавани Германией», полагая, что это не только «неизбежно», но и необходимо, так как США очень скоро смогут перехватить инициативу. Он указал на будущее столкновение в Южной Америке европейцев и североамериканцев. В то время как Мексика и Центральная Америка перейдут к Соединенным Штатам, как только будет достроен канал, оставшиеся владения «испанской расы» в Америке достанутся более сильному претенденту. Следовательно, немецкая оккупация венесуэльского порта была лишь первым шагом в политическом демонтаже. После этого «глобальная миссия германской расы» будет заключаться в том, чтобы взять под свой контроль всю Венесуэлу, а также Колумбию, Боливию и Перу: «Здесь германское дерево пустит корни, раскинет свои ветви и принесет плоды, которые пойдут на пользу человечеству и его культуре на многие века» [30, ss. 53, 77].

Завораживающая риторика пангерманизма о будущем величии рейха на южноамериканском континенте и формируемое ею общественное мнение сильно осложняли реальную политику, приводя к политическим конфликтам с правительством. Кайзер и его министры были вынуждены считаться с пангерманцами, за которыми стоял крупный финансовый и промышленный капитал. Сотрудничество между правительством и *Alldeutscher*

Verband укрепляло авторитет последнего, однако не шло на пользу правительству. В Совете по делам колоний, где присутствовали пангерманцы, часто возникали конфликты. Когда, например, все его члены, голосовали за реальные экономические интересы, пангерманское лобби требовало активного колониализма, что отвечало общим стратегическим соображениям о высоком статусе Германии в мире, но не отражало реального тактического видения ситуации [31, p. 58].

Средством прямого воздействия на общественность и участия пангерманцев в венесуэльском вопросе были многочисленные общества, через которые собирались деньги, например, от заинтересованных в государственной защите внешней торговли ганзейских банкиров и предпринимателей — Иоганна Ноймана, Эмиля Посселя, Юстуса Германа Штрандеса, Отто Генриха Ханзинга, Эдуарда Лоренц-Майера и др. *Alldeutscher Verband* взял на себя поддержку Общества германской колонизации (*Gesellschaft für Deutsche Kolonisation*), Мюнхенского общества защиты немецких интересов за границей (*Münchener Verein zum Schutz deutscher Interessen im Ausland*), Южноамериканского общества колонизации (*Südamerikanische Gesellschaft für Kolonialisierung*), Общегерманского языкового союза (*Allgemeiner Deutscher Sprachverein*). Часто членами таких обществ являлись государственные служащие и другие официальные лица, которые также вносили свой вклад в продвижение немецких заграничных устремлений. Так, например, Германское военно-морское общество (*Deutscher Flottenverein*), основанное в 1898 г. в Берлине для поддержки государственной программы по строительству флота, стремилось организовать свои заграничные филиалы, в том числе в Маракайбо и Пуэрто-Кабельо, для агитации во имя морской экспансии. Даже Генеральный штаб армии время от времени подпитывал американские подозрения относительно немецких планов в Южной Америке, направляя туда своих агентов с целью изучения «береговой обороны» и оценки того, какое сопротивление может оказать, например, Венесуэла в случае высадки военноморского десанта [7, p. 169]. На деньги, собранные филиалом *Südamerikanische Gesellschaft für Kolonialisierung* в Лейпциге, которым руководил один из лидеров пангерманцев Эрнст Хассе, было построено два парохода — *Leipzig* и *German*, приобретались земли, усадьбы, ремесленные картели. Хассе надеялся, что «более сильные» германские народы в скором времени заменят «более слабых» испанцев, а пока нужно покупать большие поместья для увеличения немецких поселений, которые должны быть созданы как «будущие колониальные центры для несмешанного немецкого населения», на которых можно будет основать «Новую Германию» [32, s. 67].

К началу XX в. пангерманцы намеренно стремились ускорить колониальное проникновение в Венесуэлу. Манипулируя общественным мнением, они создали «образ врага», который попытается помешать рейху позаботиться о немецких поселенцах в конкурентной борьбе за новую колонию. Таким «врагом» для них стали Соединенные Штаты Америки. Внедряя в сознание немцев идею угрозы со стороны США, пангерманцы искали повод оказать давление на правительство. Сами немцы, разумеется, представлялись пангерманской пропагандой как миссионеры и защитники европейских поселенцев от естественной угрозы со стороны США.

«Немцы, — отмечал Йоханнес Унольд, — отличаются своим трудом и способностью быть учителями, равно как интеллектуальными, экономическими и политическими лидерами этих народов [испанских и португальских американцев]. Если они не справятся со своей миссией, то рано или поздно эти страны падут в результате политического или финансового банкротства под господством и эксплуатацией Соединенных Штатов» [33, ss. 62, 65]. Йозеф Людвиг Раймер убеждал немцев в том, что их спасительная миссия необходима и ожидаема, что военную и экономическую помощь рейха не только примут, но примут с благодарностью, увидев в ней действенное подкрепление силы против своего естественного врага — Соединенных Штатов Севера, врага, который потребует не только коммерческих, но и территориальных уступок, вплоть до отказа от своего гражданства [34, s. 93].

К началу XX в. пангерманцы добились некоторых успехов в деле защиты немецких интересов в Южной Америке, оказав давление на правительство рейха. В 1896 г. был отменен знаменитый «Рескрипт Хайдта», запрещавший немецкую эмиграцию в Бразилию. Внучатый племянник прусского министра Августа фон дер Хайдта, представитель династии банкиров из Эльберфельда и председатель *Alldeutscher Verband* в 1891—1893 гг. Карл фон дер Хайдт организовал широкую общественную кампанию по поддержке немецкой эмиграции в создании «Великой Германии», направив депутатам рейхстага петицию о связи экономических задач правительства с расселением немцев за пределами страны [35, ss. 254—256]. Пангерманец Оскар Канштат восторженно заметил, что отмена рескрипта стала важным шагом на пути увеличения немецкого присутствия в Южной Америке [36, s. 64].

Отмена рескрипта открывала путь к пересмотру закона о гражданстве, который был особенно актуален для немецких поселенцев в Венесуэле ввиду отсутствия к началу века официального договора между странами. До принятия такого закона в Германии (1913 г.) гражданский статус определялся общими принципами Северогерманского Союза (1870 г.) по факту рождения или натурализации, а также законами об «охраняемых территориях» (колонии) 1886 и 1900 гг. В соответствии с ними немецкие поселенцы, прибывшие на заморские территории, должны были зарегистрироваться в действующих немецких консульствах, подтвердить свой статус и встать на воинский учет (для потенциальной защиты немецких интересов). Если такого обращения не было в течение пяти лет после прибытия, статус немецкое гражданство утрачивалось.

Пангерманцы, убежденные в том, что через гражданство устанавливалась общая связь всех немцев со своим отечеством, выступили за отмену таких ограничений, настаивая на автоматическом распространении гражданства еще и на детей поселенцев, рожденных вне Германии. Однако в этом вопросе они натолкнулись на противодействие министерства иностранных дел рейха, которое опасалось, что вслед за инициативами пангерманцев последуют требования активной защиты интересов граждан, что, применительно к Южной Америке, «осложнит отношения Германии с Соединенными Штатами» [7, p. 186]. Ситуация разрешилась не в пользу пангерманцев, когда венесуэльское правительство приняло свой закон о гражданстве (1903 г.), запрещавший иностранцам занимать государственные должности, но автоматически предоставлявший венесуэльское граждан-

ство подданным других стран после двух лет проживания в стране. Этот закон сильно осложнил распространение идей «германства», так как немецкие поселенцы быстро ассимилировались, заключали браки с местным населением, гордились своими новыми землями, оказывались потерянными для родины и становились для бывших соотечественников «телом без головы» [7, p. 186].

Неоднозначный успех имела и пангерманская кампания по военному вторжению в Венесуэлу. Как и следовало ожидать, пангерманцы с самого начала приветствовали силовые действия против Венесуэлы, опасаясь только соперничества британцев. По этому случаю в декабре 1902 г. П. Самасса заметил: «Мы всегда придерживались той точки зрения, что ничто не препятствует случайному сотрудничеству с Англией, и, если наша дипломатия грамотно выберет такой случай... мы сможем сделать его довольно успешным. Однако нам ясно, что Англия рассматривает нас как опасного соперника в конкуренции за статус мировой державы, хотя мы пока лишь изредка произносили об этом тосты... Тем не менее мы все же видим пользу от совместного похода: во-первых, это произведет большое впечатление на венесуэльцев и быстрее заставит их уступить, во-вторых, снизит опасность ненужной суеты со стороны Соединенных Штатов, в-третьих, это важно для нашего престижа как в мире, так и в Венесуэле... К сожалению, в настоящий момент все складывается не лучшим для нас образом. Англия посылает эскадру крейсеров сильнее нашей более чем в два раза, ее главнокомандующий старше и опытнее немецкого. Вряд ли это делается лишь для того, чтобы привлечь наше внимание к тому, что наш международный флот срочно нуждается в увеличении. Более вероятно, что венесуэльцам будет продемонстрирована разница между английской и немецкой военно-морской мощью, что Германская империя находится лишь в тени Англии» [1, ss. 150-151].

Осторожность, которую рейхсканцлер Бернгард фон Бюлова (1900—1909 гг.), проявлял в отношении венесуэльского конфликта, его стойкие убеждения в том, что необходимо согласовывать действия рейха с Великобританией и сохранить отношения с США, очень скоро разочаровали пангерманцев. Б. фон Бюлов, скорее всего, припомнил слова вице-адмирала Тирпица, произнесенные накануне венесуэльского кризиса, что «если дело дойдет до вооруженного столкновения, доктрина Монро может возбудить страсти в Америке, и в этом случае англичане, вероятно, бросят нас на произвол судьбы» [37, с. 170]. На страницах *Alldeutsche Blätter* Э. Хассе осудил нерешительность Бюлова, обвинив его в том, что он фактически согласился с американской доктриной Монро, которая уже была «покорно принята Британией» [38, s. 1].

В конце XIX — начале XX вв. произошло своеобразное «открытие» Венесуэлы немецким обществом. Это стало возможным благодаря активизации германских, преимущественно ганзейских коммерсантов, которые еще в середине XIX в. превратили Венесуэлу в своеобразную «гамбургскую колонию» [39, p. 413], а также ввиду усилившихся колониальных амбиций части немецкого общества. Благодаря деятельности многочисленных колониальных объединений, главным и самым массовым из которых был *Alldeutscher Verband*, в политический лексикон были введены такие понятия, как «Великая Германия», «жизненное пространство», «немецкие инте-

рессы за пределами рейха», «борьба за место под солнцем» и др. Для самих пангерманцев колониальной риторики оказалось недостаточно, необходимостью стала разработка практических программных шагов по трансформации объединенной Германии в империю и обеспечение имперской идентичности рейха. Такие шаги, предпринимаемые за счет внутренних ресурсов и возможностей союза (занимаемые государственные должности, членство в политических партиях, частное финансирование, влияние через средства массовой информации), выстроились в нескольких направлениях: непризнание и противодействие американской доктрине Монро, приобретение имущества в Южной Америке, поддержка немецкой эмиграции. Венесуэла стала одной из стран, которая ввиду собственной политической нестабильности и присутствия там немецкого капитала оказалась в планах немцев, столкнув интересы общественности с интересами правительства рейха.

Учитывая опыт прямого участия пангерманской элиты в торговле с Венесуэлой, нерешительность правительства в деле активного колониализма, эти «шаги» могли оказаться вполне реальными, особенно в том, что касается поиска подходящего повода для участия Германии в международной блокаде. Сомнения в том, что таким поводом могла стать провокация, высказывает венесуэльский исследователь Хуан Алексис Акуна, приводя в пример отчет генерала Хулио Ларриа, командующего крепостью Пуэрто-Кабельо. Запись из отчета позже вошла в текст официальной ноты правительству Германии. В ней говорилось о том, что береговая артиллерия обстреляла судно немецкой страховой компании, оказавшееся в порту без предварительного уведомления, ночью, проигнорировав требования остановиться даже после предупредительных выстрелов [40, p. 25].

Вопрос о том, в чем же состояла выгода, которую получала Германия, участвуя в международной блокаде Венесуэлы, была ли она связана с задачами немецкой торговли или удовлетворением политических амбиций националистов, остаётся дискуссионным. Чтобы ответить на него, важно соотнести заинтересованность и характер участия Германии в латиноамериканских делах с незавершёнными к началу XX в. дискуссиями внутри страны о месте рейха в системе сложившихся колониальных отношений. О важности таких дискуссий свидетельствовало сохранявшееся различие между намерениями радикально настроенной части немецкого общества, лишённой, однако, легитимных возможностей влиять на политику, и позицией официального Берлина. Весьма убедительным выглядит лишь тезис о том, что к началу XX в. эра «купцов-пионеров» и их локальных инициатив в торговле с Венесуэлой подошла к концу, уступив место последовательности, системности и организованности, действиям, способным превратить Германию в Великий Рейх [39, pp. 413, 448]. Потребность в такой трансформации объединяла немецкое общество, хотя видение методов отличалось крайней полярностью.

Участие в венесуэльских делах для правительства Германии было важно, но не являлось приоритетом. Хотя правительство разделяло интерес немецкого бизнеса к «дремлющим богатствам» Венесуэлы, для него участие в венесуэльском кризисе стало дипломатическим средством заручиться поддержкой Великобритании, не раздражая Соединенные Штаты. Если британские претензии к Венесуэле, изложенные в меморандуме министра

иностранных дел Генри Петти-Фицмориса, 5-го маркиза Лэнсдауна, касались серьезных нарушений правил торговли между странами, вплоть до порчи английского имущества, то для правительства Германии участие в совместной блокаде оказалось не более чем страховкой для лучшей защиты немецких интересов в будущем.

Для радикальной немецкой общественности, настроенной крайне националистически, участие в блокаде Венесуэлы стало делом чести. На волне общественного разочарования нерешительностью правительства, отказавшего в военной поддержке братским бургундским народам (1899—1902 гг), пангерманцы воспользовались моментом для того, чтобы направить недовольство немцев на венесуэльский кризис, который мог стать «лабораторией» для колониальной экспансии рейха в Южной Америке, пробой военной мощи молодого немецкого флота. Успех военной экспедиции связывался пангерманцами не столько с приобретением колонии, сколько с демонстрацией военно-морской силы рейха перед Великобританией. Пангерманцам удалось спровоцировать участие Германии в колониальной блокаде Венесуэлы, но результат оказался для них неутешительным. Пример венесуэльского кризиса, таким образом, наглядно продемонстрировал внутренний раскол в немецком обществе, а также потенциал общественного мнения, манипуляция которым стала средством неполитического воздействия на правительство.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Samassa P. Das Vorgehen des Deutschen Reiches gegen Venezuela. *Zwanzig Jahre alldeutscher Arbeit und Kämpfe*. Hrsg. von der Hauptleitung des Alldeutschen Verbandes. Leipzig, Dieterich'sche Verlagsbuchhandlung, 1910, ss. 150-152.
2. Hartwig E. Zur Politik und Entwicklung des Alldeutschen Verbandes von seiner Gründung bis zum Beginn der ersten Weltkriege (1891-1914). Diss. zur Erlangung des Doktorgrades. Jena, 1966, 266 s.
3. Hering R. Konstruierte Nation. Der Alldeutsche Verband 1890 bis 1939. Hamburg, Hans Christians Verlag, 2003, 600 s.
4. Fesser G. Der Traum vom Platz an der Sonne. Bremen, Donat Verlag, 1996, 239 s.
5. Fischer F. Der Griff nach der Weltmacht. Düsseldorf, Droste Verlag, 1962, 677 s.
6. Birken A. "Der Helgoland-Sansibar-Vertrag von 1890". *Internationales Jahrbuch für Geschichts- und Geographie-Unterricht*. 1974, Vol. 15, ss. 194-204.
7. Herwig H. Germany's Vision of Empire in Venezuela, 1871-1914. Princeton, Princeton Legacy Library, 1986, 300 p.
8. Panhorst K.H. Simon Bolivar und Alexander von Humboldt. *Ibero-Amerikanisches Archiv*, 1930, Vol. 4, N1, ss. 35-47.
9. Zeuske M. Humboldt und Bolivar. *Frank Holl (Hg.): Alexander von Humboldt. Netzwerke des Wissens. Katalog der Ausstellung im Haus der Kulturen der Welt (Berlin) vom 6. Juni bis 15. August 1999 und in der Kunst- und Ausstellungshalle der Bundesrepublik Deutschland vom 15. September 1999 bis 9. Januar 2000*. Bonn: Kunst- und Ausstellungshalle der Bundesrepublik Deutschland, 1999, ss. 128-129.
10. Бисмарк О. Воспоминания, мемуары в 2-х т. М., АСТ; Мн., Харвест, 2002, т.2, 560 с. [Bismarck O. Vospominaniya, memuary [Memories]. Moscow, AST; Minsk, 2002, t.2, 560 p. (In Russ.).
11. Pommerin R. Zwischen Eurozentrismus und globalem Staatensystem: Bismarck und die USA 1862-1890. *Otto von Bismarck und das "lange 19. Jahrhundert"*. Leiden, Ferdinand Schöningh, 2017, ss. 759-788.

12. Emmes M.P. Interessenorientierungen und Konfliktlinien Grossbritanniens, der Vereinigten Staaten von Amerika und Deutschlands vom Ende des 19. Jahrhunderts bis zum Beginn des Ersten Weltkriegs. Münster, LIT Verlag, 2013, 244 s.
13. Hamburger Nachrichten vom 9. Februar 1896. N34. In: *Bismarck-Jahrbuch*. Hrsg. von Horst Kohl. Bd. 3. Berlin, Verlag von O.Häring, 1896, 588 s.
14. Rosenberg P. Deutsche Minderheiten in Lateinamerika. *Particulae particularum. Festschrift zum 60. Geburtstag von Harald Weydt*. Hrsg. von Theo Harden und Elke Hentschel. Tübingen, 1998, s. 261-291.
15. Galué G. C. Impacto del comercio alemán en la economía regional marabina (1870-1900). Impact of German trade in Marabina regional economy (1870-1900). *Memorias. Revista digital de Historia y Arqueología desde el Caribe colombiano*, 2013, Vol. 10, N20, pp. 1-12.
16. Bernecker W. L., Fischer T. Deutsche in Lateinamerika. *Deutsche im Ausland - Fremde in Deutschland: Migration in Geschichte und Gegenwart*. Hrsg. von Klaus J. Bade. München, Beck, 1992, ss. 197-214.
17. Mann W. Das Deutschtum in Lateinamerika. Berlin, E. Runge, 1927, 77 s.
18. Wehler H.-U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte: 1849-1914. 3 Bd: Von der "Deutschen Doppelrevolution" bis zum Beginn des Ersten Weltkrieges / Hans-Ulrich Wehler. München, Verlag C.H. Beck, 1995, 1518 s.
19. Die große Venezuela Eisenbahn. Eine Tat deutschen Geistes. Stuttgart, Über Land und Meer, 1895, 6 Holzstiche auf 2 Blättern.
20. Hernández A.P. Escuadra venezolana en tiempos de Castro (1902-1903). *Tiempo y Espacio*, N64, Julio-Diciembre, 2015, pp. 475-490.
21. Гобсон Дж. А. Империализм. Ленинград, 1927, 286 с. [Gobson Dzh. A. Imperializm [Imperialism]. Leningrad, 1927, 286 p. (In Russ.).]
22. Sullivan W, Velásquez R. J. y Otros. Cipriano Castro en la Caricatura Mundial. Caracas, Fundación Centro Nacional de Historia, 1980, 243 p.
23. Campos M.R. Venezuela 1902: la crisis fiscal y el bloqueo: perfil de una soberanía vulnerada. Caracas, Fondo Editorial de Humanidades y Educación, Universidad Central de Venezuela, 1983, 455 p.
24. Vagts A. Deutschland und die Vereinigten Staaten in der Weltpolitik. London, 1935, 2030 p.
25. Fiebig Hase R. Lateinamerika als Konfliktherd der deutsch-amerikanischen Beziehungen 1890 bis 1903. Vom Beginn der Panamerikapolitik bis zur Venezuelakrise von 1902 - 1903. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1986, 1206 s.
26. Katz F. The Secret War in Mexico. Europe, the United States and the Mexican Revolution. Chicago, The University of Chicago Press, 1981, 659 p.
27. Mitchell N. The Danger of Dreams. German and American Imperialism in Latin America. Chapel Hill, University of North Carolina Press, 1999, 328 p.
28. Vallenilla N.H. Inversiones extranjeras en Venezuela. Siglo XX. Caracas, Academia nacional de ciencias económicas, 1992, pp. 316-377.
29. Anonymus [Heinrich Claß]. Die Besitzergreifung West-Marokkos, der Anfang und die Voraussetzung praktischer deutscher Weltpolitik. Leipzig, Flugschrift, 1904, 133 s.
30. Wintzer W. Der Kampf um das Deutschtum. Die Deutschen im tropischen Amerika. München, Lehmann, 1900, 82 s.
31. Hofmeister B. Between monarchy and dictatorship. Radical nationalism and social mobilization of the Pan-German League, 1914-1939. Washington, Georgetown University, 2012, 568 p.
32. Ernst Hasse im Reichstag, 6. Februar 1894. *Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Reichstages. 1893-1894*. Berlin, Reichsdruckerei, 1894, ss. 1027-1029.
33. Unold J. Das Deutschtum in Chile. München, Lehman, 1899, 68 s.
34. Reimer J.L. Ein Pangermanisches Deutschland. Versuch über die Konsequenzen der gegenwärtigen wissenschaftlichen Rassenbetrachtung für unsere politischen und religiösen Probleme / von Josef Ludwig Reimer, J.L. Reimer. Leipzig, Thüringische Verlags-Anstalt, 1905, 406 s.
35. Mönckmeier W. Die deutsche überseeische Auswanderung. Jena, Gustav Fischer, 1912, 288 s.
36. Canstatt O. Kritisches Repertorium der Deutsch-brasilianischen Literatur. Berlin, Dietrich Reimer Verlag, 1902, 202 s.
37. Тирпиц А. Воспоминания. М., Вече, 2014, 448 с. [Tirpic fon, A. Vospominaniya [Memories]. Moscow, Veche, 2014, 448 p.]
38. Alldeutsche Blätter, N1, 3. Januar, 1903.

39. Zeuske M. Trasfondos del conflicto de 1902: política, cónsules y comerciantes alemanes en las Venezuelas del siglo XIX. *Böttcher N., Hausberger B. Dinero y negocios en la historia de América Latina*. Frankfurt am Main, Vervuert-Verlag, 2000, pp. 413-452.

40. Acuna J.A. Denuncias y reclamos interpuestos por el Imperio Alemán ante Venezuela por aparentes ilícitos cometidos contra sus naves de guerra a finales del siglo XIX. *Tiempo y Espacio*, 2013, vol. 23, N60, pp. 20-38.

Alexandr A. Turygin (aturigin@mail.ru)

Cand. Sci. (History), docent of the department of history, Kostroma State University

Dzerzhinsky Street, 17, 156005 Kostroma, Kostroma Oblast, Russian Federation

Venezuela through the prism of pan-germanism. Towards understanding the Venezuelan crisis (1902—1903) in German society

Abstract. The article deals with the formation of German colonial ideology in South America. The example of Venezuela is used to study the "discovery" of South America by German society in the late 19th — early 20th centuries, as well as the controversial policy of establishing Germany on the other side of the Atlantic. Germany's participation in the Venezuelan crisis (1902-1903) demonstrates the split in German society between the government and the nationalist-minded part of society, the manipulation of whose consciousness becomes a means of non-political influence for the Pan-German league (Alldeutscher Verband). The Venezuelan crisis, as part of the local diplomatic crises on the eve of the First World War, demonstrates the interest of the German government in the new status of a "world power", although national identity is now formed by German nationalists. Since there is no unity between official Berlin and the public in understanding the essence of colonialism, a paradox arises, which has become the subject of scientific study relatively recently. The article also problematizes one of the classic theses of imperialist theory: the economic expansion is followed by territorial claims.

Key words: Venezuela, Pan-German Union, Venezuelan crisis, colonialism, naval blockade.

DOI: 10.31857/S0044748X0014113-3

Received 09.01.2021.